

ГЕННАДИЙ ЛЕВИЦКИЙ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ПУТЬ РОССИИ

Геннадий Михайлович Левицкий

Византийский путь России

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27109310

Аннотация

В книге поднимается старинный вопрос: насколько правомерно считать Россию наследницей Рима и Византии в свете теории «Москва – Третий Рим». Критиков теории было великое множество, но, что происходило, когда Россия сворачивала с предначертанного судьбой пути и обращалась к Западной модели государственного развития? В работе исследуются индивидуальные особенности византийской цивилизации, иногда приводившие в изумление остальной мир. Рассказывается о взаимоотношениях восточнославянского мира и ромеев, начиная с первых их контактов, о влиянии Константинополя на становление Древней Руси и ее дальнейшее развитие. Особое внимание обращается на цементирующую, объединительную роль Православия в жизни Византии, а затем Руси.

Содержание

Предисловие	4
Византия и Русь. Второй Рим	14
Вечный Рим: жизнь после смерти	14
Русские под Константинополем	26
Вселенская империя	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Геннадий Михайлович Левицкий Византийский путь России

Предисловие

Национальная идея, идеология — эти призрачные нематериальные вещи значили для государств больше, чем эффективное оружие и укрепленные города, высокоразвитое производство и природные богатства. Эфемерную мечту невозможно измерить ни в каких единицах. Но она сплачивала народ в единое целое, заставляла каждого гражданина гордиться своей родиной, ее историей и верить, что избранный путь правильный.

Создать эффективную идеологию, как сказал бы один исторический деятель, задача архиважная; недостаточно иметь страну с огромной территорией и приличным населением, — все это надо куда-то вести. Топтание на месте приводит к развалу. Народ, воодушевленный, вооруженный глобальной мечтой, легко вести куда угодно, — даже на верную гибель.

Оказывается, у России когда-то был великолепный идеологический базис: «Москва — Третий Рим». Лозунг, появившийся на свет после гибели Византийской империи,

периодически вызывал скептическое отношение, насмешки, ненависть и зависть. И все же... Истребить путеводную звезду не удалось ни революциям, ни войнам, хотя порой идея работала на уровне подсознания. За многие столетия русское государство настолько пропиталось восточной наследницей Рима, что уже не могло быть похожим на европейский Запад; точно так же, как отличаются от Франции Китай, от Германии Япония. Эти особые цивилизации вызывают раздражение Запада и поныне, их можно не принимать, ругать и ненавидеть, но в целом они не были плохими.

Избранный Россией путь развития также не был тупиковым. Уже по тому можно судить, что ее наставница — Византия — демонстрировала чудеса выживаемости на протяжении целого тысячелетия.

Заставить жить мир по определенным правилам пытались некоторые страны или группы стран с тех пор, как на земле появилась государственность. Раса господ и варвары существовали всегда; однако главным критерием лидерства являлось не умственное развитие народа, но обычная сила. Довольно абсурдно и смешно слышать, когда персов называли варварами македоняне — вчерашние пастухи; объединенные в непобедимую фалангу, они все сметали на своем пути под руководством безумца-героя Александра, уничтожали города, сжигали царские дворцы, рубили во время дележа произведения искусства, губили все, что невозможно уне-

сти. Вопрос не в том, чтобы спустя тысячелетия определить какой народ был отсталым, а какой нес более высокую культуру, — и с высоты своего времени благословить уничтожение Цезарем отсталых галлов. На практике оказывается, что вполне образованному человеку и сейчас трудно понять элементарную вещь: каждый народ имеет право и должен развиваться по своим законам, диктуемым обычаями, природной средой, менталитетом, что нет универсальных правил существования. Как свидетельствует исторический опыт: залог успешного развития человечества заключается не в стандартизации, но в многообразии культур. Главное, чтобы народ имел великую цель, видел пути ее достижения...

Пример Александра Македонского — это наглядное свидетельство того, как маленький, не самый развитый народ, но охваченный единой мечтой, громил в разы превосходящие силы персов. Малочисленные македоняне, словно нож масло, разрезали самые густонаселенные области планеты. Современные исследователи подозревают манипуляцию с цифрами, потому, что историю пишут победители — бесполезный труд: сила не в количестве, а в качестве.

В русской истории достаточно эпизодов, когда страна неловко себя чувствовала из-за того, что она отличается от соседнего Запада. Что ж, перенимать все лучшее у соседей — это нормально, но другое дело — слепо копировать идеологию, образ жизни, мысли и привычки. Ничего хорошего

не получалось когда Россия пыталась свернуть с эксклюзивного византийского пути. Экспорт чужой жизни приводил к дезорганизация жизни собственной.

Россия неторопливо и размеренно шла своей дорогой, — запрыгать в этой стране любили медленно, и попытка ускорить процесс порождала хаос. Впрочем, ехала Россия довольно быстро: в начале 20-го века по большинству экономических показателей она сравнивалась с хваленым Западом и нашла свое уважаемое место в мировой системе. Что касается культуры, то русская литературная классика XIX – начала XX ст. переведена на все мало-мальски значимые языки планеты, и по сей день считается верхом совершенства.

Исключительно разрушительное действие в России произвел марксизм, который был привнесен сюда в совершенно извращенных формах; собственно, им прикрывались силы, имевшие мало общего с учением Маркса. После слома старой государственной машины и грандиозных социальных потрясений, Россия трусцой побежала за странами капитала — в надежде догнать и перегнать их. Новая машина, спустя несколько поколений граждан, испивших до дна чашу страданий, стала тормозить, а потом и вовсе сломалась. Сегодня создается новый локомотив, но и современный механизм интенсивно пытается вобрать в себя западные ценности, упорно стремится влезть в чужую оболочку. Точно так же пытался скопировать все Петр I, и порой дело доходило до смешного... если бы России до сих пор не приходилось пожинать

горькие плоды его экспериментов.

Сегодня, средства связи и коммуникаций позволяют перенимать новшества гораздо скорее, чем триста лет назад. Прогресс движется невиданными темпами, — в этом не было бы ничего плохого, если б экономический рост подкреплялся духовным развитием. Но нет никаких намеков на аналог мощнейшего средневекового Возрождения: тиражи книг падают, экран телевизора предпочитает развлекать граждан, а вовсе не призывает задуматься о смысле их существования, о судьбе страны и планеты. Все заняты улучшением только своей отдельно взятой жизни, все одержимы лозунгом, когда-то погубившим Рим: «Хлеба и зрелищ!» Еще хуже, когда единственной заботой крупных предпринимателей и власть держащих является спокойствие народа. Но ведь народ должен волноваться и болеть, по крайней мере, за свою страну, если не получается за весь мир. Все вместе мы куда-то движемся, как бы ни хотелось воскликнуть довольному буржуа: «Остановись мгновенье! Ты прекрасно!».

Впору задуматься: так ли необходима бешеная гонка технологий — именно они сегодня определяют лидера? Не настало ли время всему миру поучиться у царской России размеренной неторопливости? Прогресс приносит не только процветание и облегчение жизни — он и губит жизнь. Человечество создало множество способов убить себя, и вскоре будет достаточно одного сумасшедшего гения, чтобы уничтожить планету. Все чаще происходят катастрофы и тра-

гедии по вине человеческого фактора. Эпидемии новых загадочных болезней берутся из ниоткуда, человек своей деятельностью нарушил экологический баланс земли: природа свирепствует, ежегодно принося сюрпризы в виде цунами, землетрясений, парникового эффекта. Земля устала от человека. Спешить уже некуда. Еще немного и под водой окажутся и голландцы, терпеливо отвоевывавшие землю у моря, и англичане, и большинство стран преуспевающей Европы. Человечеству самое время накладывать вето на изобретательский процесс, чтобы окончательно не превратиться в заложника своих изобретений, раба создаваемых механизмов. Пожалуй, луддиты первыми увидели обратную сторону медали явления по имени прогресс. Однако это чужая история, а мы вернемся к своей: в ней не меньше поучительного, чем в английской.

«Москва — Третий Рим» — этот слоган не был пустым звуком, не был он и простым отражением имперской, то есть, захватнической политики. Россия действительно взяла у Византии все лучшее, что составляет государственность, что делает страну сильной и культурной. Прежде всего, это христианство и царская власть со всеми атрибутами и символами. Это первые книги и школы, мозаика и фрески, иконы и тончайшие произведения искусства, храмы и целые города, создаваемые с помощью византийских мастеров... Не случайно большевики ненавидели этот осколок великой рим-

ской империи до такой степени, что репрессировали почти всех ученых-византиноведов, более счастливые бежали на чужбину. Новая власть нуждалась только в Иванах, забывших историю страны и не помнящих собственного родства, чтобы строить на пепелище великого государства принципиально новое общество, подвластное красным божкам.

Революция 1917 года сломала старый мир и повела к светлому будущему. Путь оказался в никуда.

Что мы сегодня знаем о Византии из той дозированной информации, которую позволялось нам получать? Знаний от учеников средней школы много не требовалось по истории государства, которое лучше всего забыть и не вспоминать, — ровно столько, чтобы заполнить пустоту на карте средневековой истории. Итак, мы знаем, что такое государство было, и оно было очень слабым: то князь Олег прибьет щит на ворота Царьграда, то крестоносцы его мимоходом захватят, а турки и вовсе изничтожили. И еще, особо любознательные из книг и фильмов могут узнать, что византийцы были хитрые и подлые, и что у них были евнухи.

Может быть, не извлекать из забвения старую теорию? Но, без новой все равно не обойтись, идеологический велосипед придется тогда изобретать — его требует человеческая природа. Человек — существо коллективное, лишь единиц удовлетворяет монашество и отшельничество. И даже сейчас, во времена индивидуалистического общества потребления, когда легко ломаются границы, меняется гражданство

и рвутся семейные связи: «Где хорошо – там и родина», — человек желает быть нужным другим людям, он беспокоится, когда долго молчит его телефон, он желает быть частью чего-то, если не великого, то большого и сильного. Погоня за благополучием утомляет, она не дает пищи для души, и не всем удастся найти свое место в мире машин и компьютерных технологий. Опустошенные прогрессом души становятся легким уловом для различных сект, профашистских и расистских организаций.

Жизнь без великой идеи — это балансирование над пропастью. Именно в такой ситуации была Европа, перед тем как чеканным шагом по ее городам и странам прошел фашизм. Испанский социолог Ортега-и-Гассет еще в 1930 г. чувствовал, что грядет что-то ужасное:

«Проблема в том, что Европа осталась без морали. Человек массы отбросил устаревшие заповеди не с тем, чтобы заменить их новыми, лучшими; нет; суть его жизненных правил в том, чтобы жить, не подчиняясь заповедям. Не верьте молодежи, когда она говорит о какой-то «новой морали»... Те, кто говорят о «новой морали», просто хотят сделать что-нибудь безнравственное и примериваются, как бы поудобней протащить контрабанду».

В погоне за прогрессом, человек топчет свою культуру, историю. Показательно, как за несколько десятилетий упали тиражи книг и журналов исторической тематики, а также

книг, заставляющих задуматься над смыслом жизни. Издатели смирились с ситуацией и выбрасывают на рынок новые и новые горы развлекательной литературы, не требующей приложения мыслительных усилий. Но удовлетворения нет, и народ, спустив в мусоропровод очередной томик легкого жанра, краем уха слушает: не появился ли новый Фэншуй, новая секта, обещающая чудесное спасение...

А ведь была идея, грандиозная, которая почти тысячелетие объединяла россов, вселяла в них уверенность в правильности избранного пути, была путеводной звездой!

В конце концов, Россия обязана Византии очень-очень многим, и вспомнить о ней не будет лишним. Но главное, прежде чем идти вперед, необходимо познать себя, оценить свой исторический путь. Между заявленной темой попытаемся выяснить: нужна ли России демократия западного образца,... либо ее сможет вести к процветанию сильный правитель,... либо ей предпочтительнее другое государственное устройство...

Испанский социолог утверждает, что в истории невозможно найти ответы на вопросы, поставленные современностью. Однако... не о нынешнем ли времени он писал в 1930 г.? Его далекие тревоги, ставшие для нас историей, актуальны как никогда:

«Развитая цивилизация всегда полна тяжелых проблем. Чем выше ступень прогресса, тем больше опасность круше-

ния. Жизнь все улучшается, но и усложняется. Конечно, по мере усложнения проблем средства к разрешению их совершенствуются. Но каждое новое поколение должно научиться владеть этими средствами. Среди них — чтобы быть конкретным — есть одно, особенно полезное именно для сложившейся, зрелой цивилизации: хорошее знание прошлого, накопление опыта, одним словом — ИСТОРИЯ. Историческая наука совершенно необходима для сохранения и продления зрелой цивилизации не потому, чтобы она давала готовые решения для новых конфликтов, — жизнь никогда не повторяется и требует всегда новых решений, — но потому, что она предохраняет нас от повторения ошибок прошлого. Если же человек или страна, проделав долгий путь и очутившись в трудном положении, вдобавок теряет память и не может использовать опыта прошлого, тогда дело плохо».

Византия и Русь. Второй Рим

Вечный Рим: жизнь после смерти

Принято считать, что Римская империя разделилась на Западную и Восточную в 395 г. То был год смерти императора Феодосия, блестящего дипломата, талантливого военачальника. Именно при нем окончательно было сломлено язычество и ликвидированы последние его символы: разрушено большинство языческих храмов, запрещены Олимпийские игры, потушен священный огонь богини Весты. За эти деяния Феодосий удостоился от церкви титула «Великий». При всем своем величии император понимал, что единство государства сохранить не удастся и фактически его разделил. Он завещал старшему сыну, Аркадию — Восток, а младшему, Гонорию — Запад.

Реакцию населения гигантской мировой державы не понять нынешним политикам, растащившим Советский Союз по кускам. Еще долгие столетие римляне отказывались верить свершившемуся; и Запад, и Восток чувствовали себя частью единого, могучего, целого. Децентрализаторские тенденции разделили мир на две части, но многочисленные народы, населявшие Византию, продолжали считать себя римлянами, ромеями вплоть до ее падения в 1453 году.

Латинский язык еще долгое время оставался языком византийской знати, делопроизводства и права. Свод законов, большей частью доставшийся в наследство от Рима, был просеян с учетом времени и издан на латинском языке. Однако императорские указы продолжали выходить и после завершения работ по кодификации, — такие указы именовались новеллами. В 1-й половине VI в. императору Юстиниану (527–565 гг.) пришлось сообразовываться с тем, что большинство населения страны разговаривает на греческом языке. В одной новелле император объясняет: «Мы этот закон написали не на отечественном языке, но на разговорном греческом, чтобы закон всем был известен из-за легкости понимания».

Византией Восточную империю стали именовать только в 14 в. европейские источники; ее самоназвание было по-прежнему — Романия. Современную же транскрипцию государству дал греческий город Византий, основанный около 660 г. до н. э. Римский император Константин заново его отстроил и 11 мая 330 г. объявил своей столицей. С тех пор древний греческий город мы знаем как Константинополь.

Античные историки часто именовали Рим Вечным городом. Как мы видим, это не было простым отражением римской гордыни: даже взятый и разграбленный варварами, Рим продолжал жить в умах и сердцах, продолжал оказывать влияние на бытие планеты.

Местоположение «Нового Рима» (так Константинополь

часто именовался даже в официальных документах) было чрезвычайно выгодным. Город стоял на перекрестке торговых дорог: из Европы в Азию, из Африки в Европу; он контролировал самый оживленный морской путь из Средиземного моря в Черное. С другой стороны, в отличие от Рима, Константинополь находился на приличном удалении от варварских орд, которые вдруг снялись с традиционных мест обитания и обрушились на античный мир.

Великолепно украшенный город принял из Рима большинство учреждений — был отстроен даже форум и некое подобие Марсова поля; и наконец, для особенно капризных сенаторов Константин велел построить дворцы, являвшиеся точной копией их римских жилищ.

Таким образом, не вызывает никаких возражений желание Константинополя называться «Вторым Римом».

После того, как в 476 г. был низложен последний император Западной империи, владыка Восточной части считался единым правителем Римской империи. Претензии ему было чем подкрепить. Византия (будем пользоваться привычным современным термином, хотя и далеким от исторической действительности) включала в себя Грецию, Балканский полуостров до Дуная, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет, восточную Армению и южный берег Крыма. Давно обжитые, густонаселенные земли Европы, Азии и Африки имели огромный экономический потенциал. Империя не только сумела отразить волны варварских орд, которые уни-

чтожили западную сестру, но и сама часто переходила в наступление.

Крупнейшая попытка воссоединить Запад и Восток связана с именем выдающегося государственного деятеля — императора Юстиниана I. Сын простого иллирийского крестьянина, — он сделал головокружительную карьеру. Биография императора служит ярким подтверждением тому, что гений всегда достигнет желаемого, если при этом будет трудиться днем и ночью. Юстиниан был прирожденным политиком, и он не мог им не стать, как это видно из характеристики, данной Прокопием Кесарийским. Коварный и двуличный, он был превосходным актером и умел проливать слезы не от радости или горя, но искусственно вызывая их в нужное время по мере необходимости. Неверный друг, неумолимый враг, легко податливый на зло, он не брезговал доносами и был скор на наказания. Вместе с тем, Юстиниан позиционировал себя доступным и милостивым ко всем, кто к нему обращался. Он никогда не гневался на тех, кто стоял перед ним или говорил не так, как подобает. И также он никогда не выказывал смущения перед тем, кого собирался погубить, врагов Юстиниан уничтожал с холодной расчетливостью. Он никогда наружно не проявлял ни гнева, ни раздражения по отношению к тем, кто ему досадил. Во внешности его ни тогда, ни позже ничего не было от царского достоинства, да он и не считал нужным блюсти его, но и языком и внешним видом, и образом мыслей он был подобен варвару. Он почти не ис-

пытывал потребности во сне и никогда не ел и не пил досыта, но ему было достаточно едва прикоснуться к еде кончиками пальцев, чтобы прекратить трапезу. Казалось, для него это дело второстепенное, навязанное ему природой, ибо он зачастую по двое суток оставался без пищи.

В поисках невесты Юстиниан еще меньше руководствовался светскими условностями; избранница оказалась танцовщицей и актрисой. Но даже, не профессия женщины делала ее не слишком приемлемой партией для императора. Дело в том, что Феодора подрабатывала проституцией и проявляла неумную энергию в предании пороку. Пожалуй, в мировой истории была только одна любительница наслаждений, с которой она могла сравниться; это — Мессалина. «В самом деле, — повествует Прокопий Кесарийский, — никто не был так подвластен всякого рода наслаждениям, как она. Ибо она часто приходила на обед, вскладчину сооруженный десятью, а то и более молодцами, отличающимися громадной телесной силой и опытными в распутстве, и в течение ночи отдавалась всем сотрапезникам; затем, когда все они, изнеможенные, оказывались не в состоянии продолжать это занятие, она отправлялась к их слугам, а их бывало порой до тридцати, спаривалась с каждым из них, но и тогда не испытывала пресыщения от этой похоти». Впрочем, неизвестно, насколько справедлив к императрице этот древний любитель сенсаций — Прокопий.

При этом Феодора была необычайно умна, красива, и

безумно обольстительна — она виртуозно околдовала императора, и тот, позабыв о людской молве и приличиях, увенчал блудницу царской диадемой.

Феодора активно вмешивалась в государственные дела и была наилучшей помощницей Юстиниану, более того, по свидетельству древнего автора «они в своей совместной жизни ничего не совершали друг без друга». Правила Юстиниан и Феодора любопытным образом: во всех спорах подданных, разногласиях религиозных организаций или стран, император и его жена выступали за противоположные стороны и еще больше разжигали конфликт. В результате, кто бы ни побеждал, в выигрыше оказывалась правящая чета. «Строя подобные козни, — по словам Прокопия, — они всегда пребывали в согласии между собой и, создавая видимость раздора, разъединяли своих подданных, прочно укрепляя таким образом свою тиранию».

Странный тандем крестьянина и проститутки — безумно талантливых — сделал невозможное: римская империя возстала почти что в границах 200-летней давности. Полководцы Юстиниана уничтожили королевства вандалов (534 г.) и остготов (554 г.), а также отобрали ряд территорий у вестготов (554 г.). Власть Византии распространилась на Северную Африку (до территории современного Марокко), Италию, южную часть Испании, Истрию и Далмацию; власть Константинополя утвердилась и на островах: Сицилии, Корсике, Сардинии, Балеарских... На некоторое время чудо сверши-

лось — Средиземное море вновь стало внутренним морем ромеев.

Увы! Отвоёванные земли перестали быть римскими. В Италию устремились лангобарды и вскоре они, а не римляне, будут составлять большую часть населения Апеннинского полуострова, Далмацию заселяли сербы и хорваты, различные варварские племена обосновались в Испании, Северной Африке, Галлии... Они не стремились в единое государство, и у реконквисты Юстиниана отсутствовало будущее.

Однако еще многие века византийский император считался властителем вселенной; все многочисленные короли, князья — вполне независимые и могущественные — правили с его высочайшего позволения. Титул византийских императоров тщательно оберегался. Показательна история Карла Великого, который на руинах древнего Рима создал крупнейшую империю, включавшую территории современных Франции, Западной и Южной Германии, Северной и Средней Италии, Бельгии, Голландии, Австрии и Северо-Восточной Испании. Завоеватель долго не решался принять титул императора и пытался представить дело так, как будто корону он получил помимо собственной воли. По свидетельству биографа Карла, Эйнгарда, осенью 800 г. великий франк прибыл в Рим для улаживания спора между папой Львом III и местной знатью. «Неожиданно» во время рождественской мессы 25 декабря в соборе святого Петра папа приблизился к Карлу и возложил на его голову императорскую ко-

рону. Находившиеся в храме франки и римляне громкими возгласами одобрили жест папы: «Да здравствует и побеждает Карл Август, Богом венчанный великий и миротворящий римский император». Согласно Эйнгарду, Карл подобного акта «совершенно не желал и утверждал, что если бы знал заранее о замысле папы, то в тот день не пошел бы в церковь, несмотря на то, что это был один из главных праздников». Могущественный франк «с великим терпением переносил зависть римских (Византийских) императоров, негодовавших на то, что он принял это звание. Их упорство Карл победил своим великодушием, которым он, несомненно, их превосходил, посылая к ним частые посольства и в письмах называя их братьями».

Согласно сведениям хроники, Карл Великий предложил руку и сердце вдовствующей императрице Ирине. Хотя в 800 г. правительнице Византии было 50 лет, она благосклонно приняла сватовство. Мечта о соединении Запада и Востока в единую империю снова замаячила на горизонте, но... в 802 г. «невеста» Карла Великого была свергнута и отправлена в ссылку.

Лишь в 812 г. после ряда неудач в войне с болгарами, властитель Византии заключил договор с Карлом Великим и пожаловал ему титул василевса. Эта милость обошлась последнему не дешево: император франков уступил Михаилу I ряд территорий (в числе прочих, Венецию).

Еще с большей ненавистью Константинополь встретил

следующего конкурента: в 962 г. германский король Отон был объявлен императором так называемой «Священной Римской империи». Византийский двор неизменно относился к новоявленным императорам как к узурпаторам, и долгие века им мстил. Не меньшую ярость в XII столетии у Мануила Комнина вызывал Фридрих Барбаросса, посмевавшийся надеть императорскую корону. Против германца византийский двор строил столь изощренные козни в Италии, что тому пришлось совершить пять походов в эту страну. Потерпев неудачу в последней кампании и едва не лишившись жизни, Фридрих оставил Италию в покое.

В 1189 г. Фридрих Барбаросса принял участие в Третьем крестовом походе. Его путь лежал через Византию, — естественно, далеко не дружественную. Император Исаак Ангел приказал бросить в тюрьму послов Фридриха, а от него самого потребовал заложников и обязательств в том, что большая часть завоеванных земель отойдет к Византии. Такую наглость Барбаросса не мог оставить без ответа, и за свою опрометчивость византийцы дорого заплатили. Вместо Палестины германский император принялся опустошать византийские земли не хуже турок: он взял Адрианополь и направился к столице. Пришлось Исааку вступить в переговоры с разволновавшимся германским императором, и как можно скорее переправить его поближе к Святой земле. Вероятно, византийцы страшно обрадовались, когда Фридрих во время переправы через речку Селиф упал с коня и так глупо уто-

нул.

Византийцы люто ненавидели только тех, кто осмеливался надеть на голову императорскую корону. В остальном, хотя они и вели войны, но никого не считали непримиримыми врагами, и всегда, при малейшей возможности, решали конфликты мирным путем. Иногда случались и парадоксы: пока сражались армии, во враждебной стране византийские купцы торговали, трудились греческие зодчие и прочие мастера.

В VII в. на землях Азии и Африки появился молодой сильный хищник — арабы. Они методично отнимали у Византии одну территорию за другой: с 625 по 637 гг. власть арабов распространилась на Месопотамию, Сирию, Палестину, в 650 г. Византия потеряла Египет, а затем и прочие владения на Африканском континенте.

Во времена Константина IV арабы несколько лет подряд осаждали Константинополь. Отчасти столица была спасена изобретением так называемого «греческого огня». Взрывоопасная смесь в специальных сосудах выбрасывалась на палубы вражеских кораблей и при падении воспламенялась. Страшная сила сжигала арабские корабли, и потушить их было невозможно, так как «греческий огонь» горел даже на воде. Состав новейшего оружия византийцы хранили в строжайшей тайне.

Лишившись ряда территорий, — впрочем, многие из них в силу сепаратистских тенденций, были тяжким балластом

для Константинополя, — Византия сплотила силы и отстояла Малую Азию; одновременно было нанесено поражение арабскому флоту, который хозяйничал в Средиземном море и угрожал столице ромеев. Ценой невероятных усилий Византия закрыла собой Европу от арабского нашествия; завоевателям пришлось двигаться кружным путем: через Северную Африку и Гибралтарский пролив арабы добрались до Испании, но силы были уже не те...

Византия всегда была чужой остальному миру; своеобразным государством-изгоем она стала в силу многих обстоятельств, которые можно привести к одному знаменателю — зависти. Восток вскоре стал мусульманским и превратился в антагонизм христианской Европы и, естественно — Византии; Западная Римская империя, заселенная теперь варварскими племенами и разделенная на большие и малые государства, смотрела на бывшую сестру с ее древней культурой и традициями как на нечто, не менее непонятное, чем мусульманский Восток; с вождедением взирали на богатства Византии северные народы: болгары, русские, сербы, печенеги. И вопреки всему Византия стояла, действуя силой, золотом, хитростью и коварством; периодически она теряла свои территории, но иногда переходила в наступление, раздвигая свои границы во все стороны света. Множество раз государство ромеев оказывалось на краю гибели, но всегда в критический момент случалось чудо, и сожженная птица Феникс вновь расправляла крылья.

Точно также наследница Византии — Россия — спустя сотни лет займет львиную долю Европы и Азии, точно также ее будет бояться и не понимать Европа, не станет она своею и для Азии. И Россию будут пытаться покорить многие; она победит всех, сохранит необъятные земли, но начнет их терять, когда свернет с определенного судьбою тысячелетнего пути, когда займется ненужными поисками и экспериментами... Об этом позже, а пока рассмотрим взаимоотношения Византии со славянским миром.

Русские под Константинополем

Император Юстиниан воевал со всей планетой — в Европе, Азии и Африке; в пылу грандиозных сражений и походов, имевших целью восстановить Римскую империю, он проглядел одну мелочь. На Балканах заявила о себе еще одна сила; «с того времени, как Юстиниан принял власть над Римской империей, гунны, славяне и анты, делая почти ежедневно набеги, творили над жителями этих областей нестерпимые вещи. Я думаю, — утверждает Прокопий Кесарийский, — что при каждом набеге было убито и взято в плен римлян по 200000 человек, так что эта страна повсюду стала подобной скифской пустыне».

Войска Юстиниана периодически выбрасывали славян и болгар за Дунай, но нашествия повторялись все чаще и чаще. Так возник славянский вопрос, а в следующем столетии он станет для Византии первостепенным.

Славяне облюбовали уголок Европы и не собирались его оставлять. Даже отпор Византии не мог ничего изменить: территория старых римских провинций обезлюдела и была обречена на заселение новым этническим элементом. Первое знакомство было не слишком дружелюбным, но Византия добивалась нужного результата различными способами.

В империи широко практиковалась политика переселения народов, — отчасти ее копировал Советский Союз, она

не потеряла актуальности и для сегодняшней многонациональной России. Но если сталинская перетасовка народов осуществлялась насильственными методами, то византийцы старались заманить требуемую национальность в нужное им место лучшими условиями проживания. Император Юстиниан II переселил 30 тысяч славян из Македонии в Малую Азию, впоследствии они использовались для борьбы с арабами. Византия, как никакая другая страна, умела извлекать максимальную пользу из международной ситуации. И потому о византийцах — блестящих политиках — и по сей день бытует расхожее мнение, как о людях необычайно коварных.

Иногда политика переселений и дроблений народов, имевшая целью сохранить межнациональный мир, приносила неожиданные плоды. Таким сюрпризом стало восстание Фомы Славянина, вспыхнувшее около 820 г. и потрясшее империю до самого основания. Кроме славян, переселенных в Азию, в нем участвовали грузины, армяне, персы; в союз с Фомой вступил Арабский халифат, на его сторону перешел флот Эгейского моря. Вскоре в руках Фомы Славянина оказалась почти вся Малая Азия; около года восставшие осаждали Константинополь. И тут, каким-то непостижимым образом, в числе союзников гибнущей Византии оказались болгары... Фома Славянин вскоре попал в плен, был выдан императору и казнен.

Далее Византийскую империю ожидали лучшие времена; ее последний подъем и расцвет связан со знаменитой Маке-

донской династией (867 – 1057 гг.), основанной выходцем из македонских крестьян Василием I. Болгары еще получают страшную «благодарность» от византийцев.

И все же надо признать очевидную истину: война не являлась излюбленным рычагом византийской политики. Это обстоятельство кажется странным, так как с самого рождения Византия заявила претензии на мировое господство и не отказывалась от них даже в трудные для страны времена...

Великий город манил своими богатствами, казалось, все народы планеты. Как только какое-то племя собирало приличную дружину, то считало своим долгом навестить столицу мира. Росы (русы) не стали исключением; первый их поход на Константинополь связывается с именами князей Аскольда и Дира. В 860 г. они приблизились к византийской столице на двухстах судах. Согласно сведениям летописей, вместимость русских судов X в. составляла от 40 до 100 человек, и значит, в походе участвовало не менее 8000 тысяч воинов.

Нашествие росов принесло немало бед византийцам, и современник событий — патриарх Фотий — оценивает вторжение северного народа как наказание Византии за грехи:

«Что это? Что за гнетущий и тяжкий удар и гнев? Откуда обрушилась на нас эта страшная гроза гиперборейская?... Откуда низвергся этот нахлынувший сплошной варварский град...»

В своей гомилии (проповеди) Фотий уподобляет вылазку росов национальному бедствию:

«Горе мне, что вижу народ жестокий и дикий безнаказанно обступившим город и грабящим пригороды, все губящим, все уничтожающим — поля, жилища, стада, скот, жен, детей, стариков, юношей — все предающим мечу, не слушая никаких воплей, никого не щадя. Погибель всеобщая! Как саранча на ниву и как ржа на виноградник, точнее — как вихрь, или буря, или ураган, или не знаю что еще, обрушившись на нашу землю, он погубил целые поколения жителей. Блаженны те, кто пал жертвой кровавой руки варвара, ибо, погибнув, они тем скорее избежали переживания охвативших нас отчаянных бедствий...»

Набег стал полной неожиданностью для Константинополя, византийцы были поражены наглостью народа, который до тех пор считался незначительным и далеким. Северные воины разграбили окрестности столицы, разорили предместья, свирепо перебили оказавших сопротивление ромеев и безнаказанно окружили город. После этого византийцы и вообще упали духом.

Видимо это была первая попытка росов заявить о себе на международной арене. «Народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, безвестный — но получивший имя от похода на нас...», — пишет патриарх о неожиданной грозе Константинополя.

Фотий говорит, что росы добровольно прекратили осаду

и расценивает это как чудо. Напрашиваются более реальные причины: таким количеством воинов взять Константинополь не представлялось возможным, а добычи росы немало взяли в предместьях столицы. Другие авторы утверждают, поход росов был не столь удачным. Они потеряли много кораблей: по одной версии — были застигнуты бурей, по другой — от действий византийского флота.

В 907 г., согласно сведениям «Повести временных лет», росы совершили более масштабный поход на Константинополь. Князь Олег, «оставив Игоря в Киеве, взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000».

И снова росы обнаруживают варварскую бесчеловечность; на этот раз их поведение описывает русский летописец, а не византийские авторы.

Волю защитников Константинополя парализовала не только жестокость врагов, но и тактика Олега. Князь велел своим воинам поставить на колеса корабли, «и когда подул попутный ветер, подняли они в поле паруса и пошли к городу». Зрелище фантастическое, но такое вполне могло иметь место. Нужда заставляла варягов приспособливаться к судо-

ходству без воды, так как на пути «из варяг в греки» приходилось по суше преодолевать некоторые участки пути, опять же существовали трудности с днепровскими порогами. Корабли строились с таким расчетом, чтобы их можно было спокойно извлекать из воды и передвигать по суше.

Византийцы испугались и отправили послов к Олегу со слезными просьбами:

– Не губи города, дадим тебе дань, какую захочешь.

При этом греки еще раз решили попытаться счастья, но не в открытой битве: Олегу послали лучшее вино и яства, но обильно сдобренные ядом. Русский князь раскусил хитрость византийцев, и тем ничего не осталось, как принять самые жесткие условия мира: «Что хочешь, дадим тебе».

Олег даже не просил, он «приказал... дать воинам своим на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу».

Невиданные привилегии получили русские послы и купцы:

«Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов, сколько хотят, а если придут купцы, пусть берут месячное на 6 месяцев: хлеб, вино, рыбу и плоды. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, кана-

ты, паруса и что им нужно».

В знак победы повесил Олег свой щит на ворота Константинополя.

«Первыми словами нашего договора помириться с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле...», — гласит «Повесть временных лет». Но в этом, грабительском мире были заложены основы для новых военных столкновений, ибо русские уже познали богатства Византии и не перестали их желать, а Византия не прочь была отомстить за невиданный позор.

Между тем, русские, сами того не сознавая, попали в византийский плен, из которого никогда не выберутся. Византийская организация жизни, культура, церкви и прочие достижения ромейской цивилизации скоро переселятся на Русь и останутся там навечно.

В 941 г. мир русских и византийцев закончился походом князя Игоря на Константинополь. «Повесть временных лет» и Лев Диакон говорят о появлении под Царьградом 10 тысяч русских кораблей, но большее доверие вызывают сведения епископа Лиутпранда Кремонского (ок. 922–972 гг.), оценивающего флот князя Игоря в «более тысячи судов».

Как всегда русские воюют со звериной жестокостью; о чем единодушно сообщают и византийские и русские источники. По словам Продолжателя Феофана:

«Много злодеяний совершили росы до подхода ромейско-

го войска: предали огню побережье Стена, а из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов».

На этот раз удача покинула русских. Подошедшее византийское войско нанесло им поражение. Побитые дружины Игоря укрылись на ладьях, но не спешили покидать прибрежные воды Константинополя. На свою беду русские решили взять реванш в морском бою, — и у них была надежда совершить это безнаказанно. Страшнейшее и позорнейшее поражение русских подробно описывает Лиутпранд Кремонский:

«Император Роман, услышав об этом, весьма встревожился, ибо отправил свой флот против сарацин и для защиты островов. Проведя в размышлениях немало бессонных ночей, — Игорь в это время опустошал морское побережье, — Роман узнал, что в его распоряжении есть еще 15 полуразрушенных хеландий, которые народ оставил (в Константинопольском порту) из-за их ветхости. Услышав об этом, он велел прийти к нему... кораблестроителям и сказал им:

– Сейчас же отправляйтесь и немедленно оснастите те хеландии, что остались. Но разместите устройство для метания огня не только на носу, но также на корме и по обоим бортам.

Итак, когда хеландии были оснащены согласно его прика-

зу, он посадил в них опытейших мужей и велел им идти навстречу королю Игорю. Они отчалили; увидев их в море, король Игорь приказал своему войску взять их живьем и не убивать. Но добрый и милосердный Господь, желая не только защитить тех, кто почитает Его, поклоняется Ему, молится Ему, но и почтить их победой, укротил ветры, успокоив тем самым море; ведь иначе грекам сложно было бы метать огонь. Итак, заняв позицию в середине русского (флота), они (начали) бросать огонь во все стороны. Руссы, увидев это, сразу стали бросаться с судов в море, предпочитая лучше утонуть в волнах, нежели сгореть в огне. Одни, отягощенные кольчугами и шлемами, сразу пошли на дно морское, и их более не видели, а другие, поплыв, даже в воде продолжали гореть; никто не спасся в тот день, если не сумел бежать к берегу. Ведь корабли руссов из-за своего малого размера плавают и на мелководье, чего не могут греческие хеландии из-за своей глубокой осадки. Чуть позже Игорь с большим позором вернулся на родину. Греки же, одержав победу и уведя с собой множество пленных, радостные вернулись в Константинополь».

Император Роман приказал казнить всех пленных.

Ужас поражения русских помогает оценить и Лев Диакон. Согласно его известиям, император Иоанн Цимисхий обращается к Святославу: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10

тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору приплыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды».

Согласно Повести временных лет, выжившие русские оправдывались:

«Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их».

Несмотря на страшное поражение, князь Игорь не оставлял надежду взять Царьград. Повесть временных лет новый поход относит к 944 г. На этот раз князь готовился основательнее:

«Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и словен, и кривичей, и тиверцев, — и нанял печенегов, и заложников у них взял, — и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя».

Император предпочел окончить дело миром и направил к Игорю лучших послов с просьбою: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Одновременно к печенегам было отправлено «паволоки (дорогой ткани) и много золота». У реки Дунай состоялся совет русских дружинников. Еще свежа была память о том, как большую часть флота сжег таинственный негасимый огонь, и потому воины советовали Игорю:

– Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, — не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кому одолеть: нам ли, им ли?

Пришлось князю довольствоваться данью.

Игорь погиб вскоре после заключения мирного договора с Византией. После него остался трехлетний сын Святослав, фактически власть перешла к жене Игоря — Ольге. Умнейшая женщина сумела не только отомстить за смерть мужа, но и мудро осуществляла регентство во время малолетства сына, — она, по примеру матери Александра Македонского, Олимпиады, воспитала настоящего воина и государственного деятеля, завоевателя многих земель и народов. Как и Александр Великий, Святослав прожил недолгую жизнь, но успел совершить много великих дел. Боевой путь Святослав начал в четырехлетнем возрасте. Он участвовал в походе на древлян, от рук которых погиб его отец. По свидетельству русского летописца: «когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня по ногам, ибо был Святослав еще ребенок». Воеводы произнесли:

– Князь уже начал; последуем, дружина, за князем!

«Когда Святослав вырос и возмужал, — рассказывает Повесть временных лет, — стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно барс, и много воевал. В походах же не возил за собой ни возов, ни котлов, не варил мясо, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину или зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом под голову, — такими же были и все остальные его воины». Войну объявлял Святослав посылая

вестников к разным народам со словами:

– Хочу на вас идти!

В княжение Святослава (945–972 гг.) интересы Византии и Руси сошлись на Дунае.

В 967 г. император Никифор Фока отказался платить дань болгарам. По византийской привычке, Никифор хотел решить болгарский вопрос чужими руками. К русскому князю Святославу император отправил патриция Калокира с тем, чтобы за 15 кентинариев золота заполучить наемника для этого дела.

«Росы повиновались, — сообщает византийский источник, — на пятом году царствования Никифора... они напали на Болгарию, разорили многие города и села болгар, захватили обильную добычу и возвратились к себе. И на шестом году его царствования они опять напали на Болгарию, совершив то же, что и в первый раз, и даже еще худшее».

Далее все пошло не по планам Никифора, потому что на исторический простор вышли амбициозные личности. Император желал привести в повиновение болгар; его посол, Колокир, хотел сам завладеть императорским тронem при помощи русских и обещал Святославу щедрые дары, но у русского князя были свои планы на Болгарию, а возможно и на Византию.

Согласно Повести временных лет, в 967 г. «пошел Святослав на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав

болгар, и взял городов их 80 по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков».

В то время на Киев напали печенеги; с трудом, под руководством княгини Ольги удалось отстоять город. Киевляне упрекали Святослава:

– Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас.

Святослав прибыл в Киев со своей дружиной, прогнал печенегов в степь, но не собирался долго здесь задерживаться. Он создал империю, которая по своим размерам могла сравниться с Византией, — достаточно сказать, что владения Святослава протянулись от Дуная до Волги, от Новгородской земли до Северного Кавказа и Крыма. Великий завоеватель знал: где слабое место его государства, какая территория наиболее нуждается в княжеской заботе. Матери и своим боярам Святослав ответил:

– Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы.

Святослав явно лукавил: Переяславец был краем его земли, а не центром, но по всему видно, воинственный князь собирался раздвинуть границы своих владений на запад и юг.

После похорон матери Ольги в 969 г., он распределил земли между сыновьями и вернулся в Болгарию. За время его отсутствия ситуация усложнилась: болгары были не в восторге оттого, что византийское владычество сменилось на русское, и предпочитали вернуться под защиту прежнего хозяина; на императорском троне Никифора сменил талантливый военачальник Иоанн Цимисхий.

Святослав некоторое время терзал и грабил Балканский полуостров, и, согласно Лаврентьевской летописи, за малым не дошел до Царьграда, пока, наконец, его войско не было разбито при Аркадиополе. В 971 г. Иоанн Цимисхий организовал грандиозный поход против русских в Болгарии. Византийский флот вошел в устье Дуная, а сухопутная армия отняла у Святослава древнюю болгарскую столицу — Преславу и его самого осадила в Доростоле.

После трехмесячной осады и ряда поражений израненный Святослав попросил мира у Иоанна Цимисхия; главным условием было беспрепятственное возвращение русских на родину.

Характерно, что Цимисхий, несмотря на военное превосходство и собственное славолубие, поступил в духе ромеев. По крайней мере, так утверждает Лев Диакон: «Император почитал мир гораздо больше войны, потому что знал, что мир сохраняет народы, а война, напротив, губит их. Поэтому он с радостью принял эти условия (росов), заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба — по два медимна

на каждого. Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов хлеб получили только двадцать две тысячи человек, избежавшие смерти, а остальные тридцать восемь погибли от оружия ромеев».

Восточная Болгария, бывшая ареной противоборства русских и византийцев, осталась под властью Константинополя. Остальной Болгарии, пока еще независимой, предстояло познакомиться с императором Василием, который за свою жестокость получит прозвище Болгаробойца.

Дальнейшие события более подробно описывает Повесть временных лет:

Заклучив мир с греками, Святослав отправился домой водным путем. Израненное русское войско благополучно вошло в устье родной реки и направилось к днепровским порогам... «И сказал ему (Святославу) воевода отца его Свенельд:

– Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги.

И не послушал его, и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать:

– Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа.

Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую

голову, и тут перезимовал Святослав.

В год 6480 (972). Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него».

Казалось бы, с виновниками смерти Святослава все ясно: «перяяславцы», то есть, болгары послали к печенегам гонца. Почему болгары предали Святослава, тоже ясно: о жестокости пришельцев с Востока достаточно рассказано и в русских, и в византийских источниках. Так, например, Лев Диакон описывает действия войска Святослава после битвы под Доростолом: «И вот, когда наступила ночь, и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра». После взятия византийцами Преславы, Святослав умертвил около трехсот болгарских бояр, заподозрив их в измене.

Еще в предательстве подозревали Свенельда — воеводу Святослава, который единственный спасся после бойни у днепровских порогов. Однако Свенельда, скорее всего, послал сам князь за подкреплением, и по этой причине он не участвовал в битве.

В смерти Святослава были заинтересованы даже его соб-

ственные сыновья и Русь; ведь он поделил страну перед отъездом на Дунай, и не собирался возвращаться на родину. Теперь Святослав был лишним в собственном доме (и потому он не дождался помощи у порогов); он надоел русским сумасбродными завоевательными планами точно так же, как надоел Александр Македонский грекам и македонянам.

А по большому счету, печенегов не было необходимости предупреждать о передвижениях князя. Они прекрасно знали слабое место в маршруте русских, и если верить Константину Багрянородному, постоянно дежурили у порогов.

Итак, смерти Святослава желало достаточное количество людей и народов, и многие исследователи напрасно обвиняют византийцев в том, что именно они предупредили печенегов о маршруте Святослава и даже профинансировали уничтожение его войска. Глупости! Печенеги настолько ненавидели Святослава за нанесенное им накануне поражение, что с удовольствием уничтожили бы его бесплатно. А вот у Иоанна Цимисхия не было никакого основания желать смерти Святославу и русскому войску.

Во времена князя Игоря Русь и печенеги выступали как союзники, — они вместе участвуют в походе на Константинополь; в княжение Святослава мы видим обе силы уже непримиримыми врагами. Император был заинтересован в том, чтобы у границ Византии существовали враждебные друг другу силы, а также, чтобы одна не усилилась за счет другой. Согласно сведениям Иоанна Скилицы, император

даже отправил посольство к печенегам, «предлагая им стать его друзьями и союзниками, не переходить через Истр и не опустошать Болгарию, а также беспрепятственно пропустить росов пройти через их землю и возвратиться домой. Назначен был исполнить это посольство Феофил, архиерей Евхитский. (Печенеги) приняли посольство и заключили договор на прежних условиях, отказавшись только пропустить росов».

Впоследствии у Византии не было крупных конфликтов с русскими, за исключением одного частного случая. Мир, заключенный Святославом и Ионном Цимисхием соблюдался и после смерти обоих, а вот печенеги доставят множество хлопот Византии. Император Константин Мономах (1042–1054 гг.) будет вынужден отвести печенегам болгарские земли для поселений, вместе с придунайскими крепостями. Гостям показалось этого мало, они упорно стремились к византийской столице. Предпринятая императором попытка отбросить печенегов на север закончилась страшным поражением ромеев. Отныне им приходилось откупаться от кочевников громадными уступками и денежными пожертвованиями.

Иногда византийцы и сами предпринимали походы на русские земли. О такой экспедиции рассказывается в «Записке греческого топарха». Наместник одной из причерноморских колоний — топарх — во главе отряда воинов пере-

шел по льду Днепр и довольно далеко проник на неподвластные Византии земли. Поход был невероятно тяжелым. «... мы продвигались с величайшим трудом словно в открытом море, борясь против снега, — рассказывает топарх. — В самом деле, казалось, земли не было, а снег не был обычным. тогда как лошадей не видно было до самой шеи, волю, хотя последними следовали за нами, гибли и многие (из них) были здесь оставлены. Говорили ведь, что снег был в четыре локтя и был трудно проходим». Проводники покинули греков и, казалось, не будет конца мучениям. Живые считали счастливыми умерших, «так как они удалились ото всех забот и страданий».

Неизвестно, чем закончился поход, так как повествование обрывается, а следующие отрывки рассказывают о нападении варваров на земли топарха.

Впрочем, росы скоро поняли, что деньги можно добывать в Византии и другим способом: их сила и мужество щедро вознаграждались Константинополем. Особенно ценились моряки. Так, в экспедиции, предпринятой императором Львом VI против арабов, участвовало 700 росов, — их жалование более чем в четыре раза превышала плату византийским матросам.

В следующей морской экспедиции против арабов, обосновавшихся на Крите, также участвовало 629 русских моряков. «Империя охотно вербовала солдат среди народов, по-

ставлявших ей или целые дружины во главе со своими племенными вождями или большое количество варваров различного происхождения, являвшихся на службу в византийскую армию, — анализирует источники военной мощи Византии Шарль Диль. — Император был правителем, который хорошо платил. Командиры имперской армии получали чрезвычайно высокое жалование, и это было соблазном для армянской и кавказской знати и разжигало аппетиты скандинавских или русских искателей приключений. Довольно высокое жалованье получали часто и рядовые воины. Вместе с тем императоры имели к этим иноземным воинам, не заинтересованным во внутренних делах империи, больше доверия, чем к своим собственным подданным. Императоры охотно предоставляли крупные командные посты, высокие военные звания иноземцам, предпочитая их в интересах личной безопасности. Один из гвардейских полков, гетерия, состоял почти исключительно из иноземцев: русских, скандинавов и хазар. Знаменитая варяжская дружина, чьи подвиги на всем протяжении византийской истории гремели на весь мир, набиралась сначала из русских, а впоследствии из исландских и норвежских норманнов и из англосаксов. Во все времена наемники составляли значительную часть византийской армии».

Русскими воинами пользовался знаменитый Василий II Болгаробойца (958 – 1025 гг.). Фактически они и спасли императора во время мятежа Варды Фоки (987–989 гг.). Визан-

тийский автор Михаил Пселл называет росов тавроскифами и рассказывает об одном эпизоде с их участием:

«Царь Василий порицал неблагодарных ромеев, и поскольку незадолго перед тем явился к нему отряд отборных тавроскифских воинов, задержал их у себя, добавил к ним других чужеземцев и послал против вражеского войска. Те застали неприятелей врасплох, готовившихся не противника побить, а вина попить, многих убили, а остальных рассеяли, и поднялся среди мятежников бунт против самого Фоки».

Упомянутые Пселлом тавроскифы являлись шеститысячным отрядом, который послал по просьбе Василия II киевский князь Владимир. Щедрость киевского князя объясняется тем, что он был в то время женат на сестре императора Василия — Анне.

Таким образом Византия разрушила тысячелетние стереотипы: наемники ненадежны, они могут перевернуться на сторону противника за большее вознаграждение, они не уважают битвы, связанные со смертельным риском, не переносят трудности похода, в общем, дисциплинированностью не отличаются. Сегодняшняя Россия пытается создать эффективную армию; долго продолжаются споры: будет это армия по контракту или призыву. На все вопросы давным-давно ответила Византия: хороший солдат тот, что получает хорошие деньги.

Вселенская империя

Никогда не вернется государство ромеев во времена могущественного Юстиниана, слишком много появилось молодых сильных соперников. Тем не менее, до последних своих дней Византия считала, что она единственная имеет право управлять вселенной. Могут показаться смешными претензии государства, вступившего во 2-е тысячелетие весьма ослабленным, но Византия по прежнему вела активную внешнюю политику и успешно втягивала в орбиту своего влияния сопредельные и очень далекие государства. Эта страна имела грандиозную программу покорения мира, и ее главное отличие от планов прочих завоевателей в том, что не меч был основным механизмом сложнейшего процесса.

Византия, словно щупальцами, опутала весь известный мир торговыми путями. По словам византийского географа, жившего в VI в., «все народы вели торговлю при посредстве византийской золотой монеты (номисмы или солида), которая принимается повсюду от одного края земли до другого». Уже во времена Юстиниана византийцы наладили прочные связи с кажущимися для Западной Европы запредельными странами — Индией и Китаем. Водным и сухопутным путем через владения персов доставлялись в Константинополь, а потом распространялись по Европе экзотические товары Востока: благовония, пряности, жемчуг и драгоценные камни.

Особенно ценился китайский шелк — в виду трудности его доставки и от того, что китайцы строго хранили секреты его производства. Цена на него, всегда баснословная, особенно вырастала, когда Византия находилась в состоянии войны с Персией. Именно в руках персов находилась и сухопутная и морская посредническая торговля с Китаем. Византийцы решили проблему с шелком: они выкрали у китайцев несколько коконов шелковичного червя и освоили процесс его разведения. Фабрики по производству шелковых тканей появились в Константинополе, Бейруте, Тире, Антиохии, Фивах и Александрии. Шелковое производство принадлежало государству и являлось одним из существенных источников пополнения казны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.